

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ

глава о Кронштадтском восстании из книги Елены Игнатовой
"Записки о Петербурге" (С.Петербург, 2003)

ИГНАТОВА ЕЛЕНА родилась в Санкт-Петербурге. Поэтесса, стихи которой включены в антологии русской поэзии XX века и переведены на разные языки. Автор сборников "Стихи о причастности" (Париж, 1976), "Теплая земля" (Ленинград, 1989), "Небесное зарево" (Иерусалим, 1992), очерков и рассказов, а также книги "Записки о Петербурге" (Санкт-Петербург, 1997; 2003). Стихи Елены Игнатовой напечатаны в журнале "Новый Мир" (№10, 1994). Автор сценария документального фильма "Личное дело Анны Ахматовой" (Ленфильм, 1989). О творчестве поэтессы писал **Михаил Копелиович** ("Гранитный Петербург, Иерусалим хрустальный", "Звезда", №7, 1999). В настоящее время живет в Бейт-Шемеше (Израиль).

В марте 1921 года X съезда РКП(б) отменил политику военного коммунизма - ее продолжение грозило большевикам потерей государственной власти. Ленин понял опасность раньше соратников. Луначарский вспоминал в 1926 году: "Ленин никогда не боялся выпячивать свои ошибки. Например, на одном собрании он заявил: "Военный коммунизм был ошибкой!". Мы все пришли в ужас от такого заявления. Конечно, военный коммунизм не был ошибкой, а был неизбежностью. Владимир Ильич ответил: "... если мы будем кричать, что он был ошибкой, наше дело двинется вперед". Введение новой экономической политики (НЭПа) было вынужденным маневром, так как против большевиков выступили все те, при чьей поддержке они совершили переворот. Во всех губерниях были крестьянские волнения, восстание тамбовских крестьян, возглавленное сельским учителем А.С.Антоновым, грозило охватить соседние губернии. Периодически происходили рабочие волнения. В частном письме, отправленном из Петрограда в августе 1919 года, сообщалось: "Рабочие Путиловского завода хлопочут, чтобы на время закрыли все заводы и отпустили за продуктами, тогда будем работать, а сейчас голодны и не станем работать". В конце февраля 1921 года взбунтовались моряки Кронштадта. Кронштадтский мятеж, восстания крестьян и рабочие волнения вынудили власть отказаться от режима военного коммунизма.

В Петрограде не любили кронштадцев, с ними связывали самые жестокие события революционной поры. Ведь уже "бескровная" февральская революция в Кронштадте началась с кровопролития. Представитель большевиков в Кронштадте Ф.Ф.Раскольников вспоминал, как ночью 28 февраля 1917 года "воинские части одна за другой с оркестрами музыки стали выходить на улицу... Под утро толпа матросов подошла к дому главного командира порта и потребовала его на улицу. Адмирал Вирен оделся и, выйдя на улицу, скомандовал: "Смирно"... К адмиралу подскочил матрос и сорвал с него погоны. После этого его окружили и повели на Якорную площадь". Герой русско-японской войны адмирал Н.Р.Вирен был растерзан толпой. В тот же день погибли контр-адмирал А.Г.Бутаков и еще 35 офицеров. Избежавших расправы офицеров арестовали, Раскольников упоминает об издевательствах над ними: "В арестном помещении полуэкипажа находилось в заключении несколько офицеров, которых командир полуэкипажа трудолюбиво обучал пению "Интернационала", похоронного марша и других революционных песен". В те же дни с офицерами расправлялись на другой базе Балтийского флота, в Гельсингфорсе. 7 марта 1917 года З.Н. Гиппиус записала: "В Кронштадте и Гельсингфорсе убито до 200 офицеров... Адм. Непенин телеграфировал: "Балтийский флот, как боевая

единица, не существует. Пришлите комиссаров [Временного правительства]”. Поехали депутаты. Когда они выходили с вокзала, а Непенин шел к ним навстречу, - ему всадили в спину нож”. Командующий Балтийским флотом адмирал А.И.Непенин был убит прямо на глазах у депутатов правительства (по другим сведениям, выстрелом в спину). Его адъютант получил разрешение Совета матросских и солдатских депутатов “на изъятие тела адмирала Непенина, поехал и обыскал несколько свалок трупов офицеров”. Позже такие свалки появятся в Севастополе, в Симферополе, где с декабря 1917 года проходили расстрелы офицеров, в Одессе, где в 1918 году было убито более 400 офицеров флота. Офицерский корпус российского флота к началу 1917 года составляли 5248 человек. Для воспитания морского офицера, военного профессионала, требовались годы. При Временном правительстве в офицеры досрочно произвели 250 гардемарин. Таким образом, ко времени октябрьского переворота на флоте служили пять с половиной тысяч офицеров. Они были элитой российских вооруженных сил. За разгром флота, уничтожение его командного состава России придется заплатить непомерную цену. И первыми в этом преступном деле были не вожди большевиков, а матросы Балтийского флота.

После февральской революции Кронштадт зажил по своим законам. В мае 1917 года его Совет депутатов решил взять власть в свои руки и объявить Кронштадт республикой. Лишь в июне правительству удалось направить туда нового представителя. Готовившие переворот большевики возлагали на матросов особую надежду, Троцкий в июле 1917 года называл их “красой и гордостью русской революции”. Лесть, демагогия и самые крайние лозунги были по душе матросской вольнице. Большевики и анархисты имели в Кронштадте большое влияние. Биография вождя кронштадтских анархистов Ярчука сходна с биографией Володарского: выходец из еврейской среды, он после революции вернулся в Россию из США, где работал на швейной фабрике. Ярчук тоже был сильным митинговым оратором. Так что двое бывших портных из Америки воспламеняли речами сердца в Петрограде и Кронштадте. Желанным гостем в Кронштадте был глава петроградских анархистов-коммунистов Блейхман (Солнцев). В 1918 году он как член Петросовета предлагал согнать петроградских буржуев в один концлагерь и там взорвать их всех сразу.

Во время первой попытки переворота, в июльские дни 1917 года кронштадтцы по зову большевиков появились на улицах Петрограда. “При нашем появлении, - вспоминал Раскольников, - многие окна открывались настежь и целые семейства богатых и породистых людей выходили на балконы своих роскошных квартир. И на их лицах было выражение нескрываемого беспокойства и чувства шкурного, животного страха”. Страх и тревога, охватившие город, отразились в дневниковой записи З.Н.Гиппиус: “...дни ужаса 3, 4 и 5-го июля... Кронштадтцы анархисты, воры, грабители, темный гарнизон явились вооруженными на улицы”. Горожане страшились не зря: в Кронштадте, как в огромном котле, вызревали самые темные, жестокие силы революции. Матросы, в отличие от столичного гарнизона, составляли сплоченные боевые отряды. Они сыграли решающую роль в событиях переворота 25/26 октября, а через несколько дней - в разгроме выступления юнкеров. И тут же принялись за расправу над пленными, садизм которой потряс Петроград: перед расстрелом юнкерам выкалывали глаза, отрезали половые органы и т.д. В таких акциях современники видели проявления психической патологии, царившей в матросской среде. Не случайно статья В.Бонч-Бруевича с описанием диких радений кронштадцев, “сатанинских” песен и плясок смерти среди символических “задушенных” тел, названа “Странное в революции”. Трудно объяснить причину

этого взрыва темной энергии. Возможно, отчасти она была связана с особенностями службы: матросы, в основном крестьянские парни, оказывались в особой среде, разительно не похожей на прежнюю жизнь. Островной Кронштадт был как бы обособлен от внешнего мира; корабли, на которых матросы служили несколько лет, тоже были “островами”, экипаж большого судна составляли полторы - две тысячи человек. Неравенство офицеров и рядовых на флоте ощущалось резче, чем в сухопутных войсках, служба была тяжелее, дисциплина - жестче. В этой среде вызревали семена ожесточения и ненависти. Во время гражданской войны матросы выделялись своей жестокой одержимостью. С.П. Мельгунов писал в 1923 году: ”В России в последнее время в психиатрических лечебницах зарегистрирована как бы особая “болезнь палачей”... мучающая совесть и давящие психику кошмары захватывают десятки виновных в пролитии крови. Наблюдатели отмечают нередкие сцены таких припадков у матросов и др., которые можно видеть, напр., в вокзальных помещениях на железных дорогах. Корреспондент “Дней” из Москвы утверждает, что “одно время ГПУ пыталось избавиться от этих сумасшедших путем расстрела”.

Люди, враждебно принявшие поэму “Двенадцать”, переиначивали ее последние строки:”В белом венчике из роз/ Впереди идет матрос”. После переворота кронштадтцы вели себя в Петрограде, как завоеватели, казалось, диктатура победившего класса - это их, матросская диктатура. В действиях передового отряда революции были черты, роднившие его с воинством Стеньки Разина: свобода-“волюшка” была возможностью разгуляться в богатом городе, грабить и убивать буржуев. Зинаида Гиппиус назвала их в дневнике “доморощенными гориллами на цепочке у мошенников - у шайки, нами, дураками, завладевшей и правящей”. Они выделялись среди горожан: матрос - огромный детина (на флот отбирали рослых), увешанный оружием, с гранатами на поясе, с пулеметными лентами на груди - по выражению тех лет, “весь в пулеметах”. В их среде процветали пьянство и наркомания, возможно, “сатанинские” пляски были их следствием. Матросов в городе было много, очень много. Они маршировали с знаменами и оркестрами, конвоировали арестованных, творили самосуды. “Я сама видела, - вспоминала Тэффи, - как смертник, которого матросы тащили на лед расстреливать, перепрыгивал через лужи, чтобы не промочить ноги, и поднимал воротник, закрывая грудь от ветра”. В роли комиссаров и комендантов они появились в государственных учреждениях. Многие запомнили этих колоритных чиновников. К.И. Чуковский в дневнике 1918 года описывал коменданта петроградских Почт и Телеграфов Царева: ”Комендант оказался матрос с голой шеей, вроде Шаляпина, с огромными кулачищами. Старые чиновники в вицмундирчиках, согнув спину, подносили ему какие-то бумаги для подписи, и он теми самыми руками, которые привыкли лишь к грот-бом-брам-стенгам, выводил свою фамилию. Ни Гоголю, ни Щедрина не снилось ничего подобного. У стола, за которым помещался этот детина, огромная очередь... Я сидел на диванчике, и вдруг меня осенило:- Товарищ Царев, едем сию минуту, вам будет знатная выпивка! - А машинка есть?- спросил он. Я вначале не понял. - Автомобиль, - пояснил он”. Матросский жаргон вошел в разговорную речь (“братан, братишечка, братва”, “дрейфить”) и даже в официальный стиль: (командный термин “даешь!”, “крепить”) - “Даешь Перекоп!”, “крепить союз” и т.д.

К матросам враждебно относились не только “буржуи”, но и рабочие. Их раздражали претензии “клешников” (так звали матросов из-за форменных расклешенных брюк) на особые привилегии. У клешников были завидные пайки, они вселялись в барские квартиры. “Некоторые, вселяясь, обставляют свои комнаты мебелью из особняков,- писал Г.А.Князев. - Несут картины, бархатные стулья, пружинные кровати”. Власть не испытывала к ним особого доверия: в отличие от

латышей, матросы были мало управляемы. Она не нуждалась в самосудах, уже был отлажен карательный механизм ВЧК. Матросская вольница не понимала, что пора ее “диктатуры” кончается, митинговала против Брестского мира, не подчинялась назначенным комиссарам. 13 октября 1918 года в Петрограде взбунтовался Второй флотский экипаж. Он потребовал расторжения Брестского мира, отказа от выплаты контрибуции Германии, власти Советов без большевистских комиссаров. Г.А. Князев записал: “Прибежал бывший сторож в архиве к своей жене:”Слава Богу, большевиков свергают! Толпы матросов идут с музыкой и знаменами и кричат:”Долой Советскую власть!” И я не утерпел, крикнул”. А ведь в прошлогодние октябрьские дни раскатывал на большевистских вооруженных грузовиках с победителями по городу... Прошла их пора. Пора господства уличной черни. Пришли снова немногие и укрепились”. На следующий вечер на площади у Мариинского дворца был митинг, матросы ворвалась в театр, где шла опера Вагнера “Валькирия”, вывели музыкантов оркестра и под музыку двинулись к Неве. Но экипажи стоявших там кораблей отказались поддержать восставших, и они вернулись в казармы. Ночью казармы окружили воинские части, многие матросы были арестованы. В Петроград срочно приехал Троцкий, за год до того называвший балтийцев “красой и гордостью революции”. Он и на этот раз приготовил эффектную фразу: ”Милость обманутым, горе обманувшим”. Одиннадцать зачинщиков выступления были расстреляны. Однако это не остудило горячие головы. 2 ноября Князев писал: ”Среди матросов глухое недовольство властителями. На пожаре в Адмиралтействе, не стесняясь, поносили большевиков и грозились:”Только бы праздничек отпраздновать, а там мы покажем им”. Но праздник на матросской улице кончился.

Странная вещь - совпадения исторических дат, в их случайность трудно поверить. Февральская революция 1917 года начинались митингами на заводах, шествиями в центре города с требованием: “Хлеба, хлеба!”. Ровно через четыре года все повторилось. 24 февраля 1921 года на улицы вышли многотысячные демонстрации, но теперь их разгоняли не казаки, а красные курсанты военных училищ. Забастовали фабрики и заводы, в том числе Балтийский, Путиловский, Обуховский, Трубочный. Масштабы забастовок были меньше, чем в 1917 году, по простой причине - работало гораздо меньше заводов. Поводом для февральских забастовок (их называли “волынками”) стало очередное уменьшение пайка. Рабочие требовали увеличить хлебную норму, выдать положенную по карточкам обувь и одежду, уравнивать пайки трудящихся. Во время “волынок” были выдвинуты политические требования: пере выборы Советов, свобода слова и печати, легализация социалистических партий, отмена подразверстки и заградительных отрядов, свобода торговли. Кроме того было требование отменить трудовую повинность и дать право рабочим-трудармейцам вернуться в родные места. “Трудовая армия”, идея которой принадлежала Троцкому, была возвратом к крепостничеству: людей насильно мобилизовали на “трудовой фронт”. “Работных людей”, составлявших 20 % питерского пролетариата, держали в казармах, они бедствовали еще больше, чем горожане.

На Балтийском флоте тоже было беспокойно. Его командующий Ф.Ф. Раскольников в январе 1921-го года отправил телеграмму в Москву. В ней был донос на кронштадтцев: ”Окончание гражданской войны, отсутствие непосредственной военной опасности пробуждает среди моряков, утомленных долголетнею службою, естественную реакцию. Эта реакция проявляется не только в виде усталости, апатии, ослабления дисциплины, но она распространяется и против тех лиц, которые по воле партии до сих пор осуществляли на флоте твердую и неуклонную дисциплину”.

Раскольников умолчал о том, что кронштадтцев утомил он сам и его окружение. За короткое время он сменил две трети командиров и комиссаров флота, поставив на их места своих людей. Начальником Политуправления Балтийского флота назначил своего тестя А.М.Рейснера, нашлись места и для других приближенных. Раскольников, внебрачный сын протодиакона и продавщицы винной лавки, принадлежал к новой аристократии и жил по-барски. Давно ли матросы убивали офицеров-”бар”, а теперь все повторялось! Это вызывало ропот среди кронштадтских матросов, вернувшейся с гражданской войны. Им жилось не лучше, чем рабочим, на флоте тоже урезали пайки, но больше всего их будоражило другое. Большинство матросов было из крестьянских семей, а деревня погибала от продразверстки. Из родных мест приходили отчаянные письма: ”В деревне все отбирают, полную очистку делают. Первый декрет: каждому крестьянину полагается хлеба по 26 фунтов в месяц, это за то, что он работает 24 часа”; ”у нас в деревне реквизируют хлеб, и у отца твоего, но они не хотели отдать как красноармейские семьи. Твоего отца, когда он не хотел отдать, били прикладами”; ”у нас в полном смысле слова голод, вторую неделю едим одну траву со своего огорода, даже варим лебеду”; ”люди едят мох, дерево, мякину одну, без примеси муки, и живут все, не помирают... живучи люди”*

События февраля 1921 года повторяли начало февральской революции - с демонстрациями, попытками привлечь на свою сторону гарнизон, беспокойным Кронштадтом. Делегаты линкоров ”Севастополь” и ”Петропавловск” были направлены, чтобы выяснить, что происходит в Петрограде. 28-го февраля они рассказали на собрании команд об обстановке в городе. Накануне Г.А.Князев записал в дневнике: ”В Петрограде волнения. Изголодавшиеся рабочие вышли, наконец, на улицу... Едущих в автомобиле стаскивают: поезжай на одиннадцатом номере [то есть пешком]... У многих глаза прыгают от радости: ”начинается!””. Матросы решили поддержать рабочих, их резолюция повторяла требования питерцев. Четыре года назад именно в этот день, 28 февраля, кронштадтский гарнизон перешел на сторону революции. Большевистские вожди тоже поняли: ”начинается!” и приняли срочные меры. В Петрограде объявили военное положение, а увещевать рабочих приехал председатель ВЦИК М.И.Калинин**. 27 февраля газеты сообщили о намерении правительства отменить продразверстку, Калинин обещал снять заградительные отряды вокруг Петрограда (их сняли 1 марта) и распустить трудармейцев по домам.

* Письма цитируются по сб. ”Неизвестная Россия. XX век”, кн.2, стр. 215- 216.

** Пропаганда создала образ ”всемирного старосты” Калинина, газеты публиковали статьи о душевных беседах крестьян с ”Калинычем”. ”Калиныч” заимствован из тургеневского рассказа ”Хорь и Калиныч”. Но М.И. Калинин заслуживал сравнения не с мужиками Хорем и Калинычем, а с хитрым, жестоким хорём.

”Как и нужно ожидать, - записал 28 февраля Г.А.Князев, - множество арестов. Арестовывают... профессоров и студентов некоторых учебных заведений... Рабочим выдана мука, мясо, обещали свободный проезд на 150 верст. Конечно, ищут шпионов, предательства. Но факт остается фактом - рабочие восстали против рабоче-крестьянской власти”. В Петроград гнали эшелоны с продовольствием и топливом. ”Как будто и ”бунт”... - размышлял Князев 1 марта. - Выдано много хлеба, мяса, мыла, много обещано. Арестованных рабочих выпускают. И вся тяжесть возмездия за случившееся обрушивается на интеллигенцию”. Нет, не на интеллигенцию, этому свой черед. Тогда пришел черед кронштадтских матросов.

1 марта Калинин выступил на митинге в Кронштадте. Настроения там не отличались от петроградских, но на этот раз Калинин не уговаривал и ничего не

обещал. Вместо этого он завел старую песню о “красе и гордости”, о заслугах матросов перед революцией. Почему? Мыла на всех не хватило бы? Или власть решила использовать случай и покончить со своевольным Кронштадтом? На митинге на Якорной площади собралось 16 тысяч солдат и матросов гарнизона. Один из них, Иван Ермолаев, вспоминал: “Когда на трибуне появился Калинин, его и здесь встретили аплодисментами, ждали, что он скажет. Но когда он опять стал говорить о заслугах моряков, о достижениях и трудностях Советской страны, снова раздались возгласы: “Хватит похвал! Скажи, когда отменят продразверстку? Когда перестанут душиить мужика?” Калинин пытался как-то оправдать продразверстку, но тут на трибуну поднялся широкоплечий немолодой матрос и громко крикнул: “Хватит хвалебной болтовни! Вот наши требования: долой продразверстку, долой продотряды, даешь свободную торговлю, требуем свободного переизбрания Советов!”... В ответ Калинин стал упрекать участников митинга в том, что они затевают рискованную игру против Советской власти...”. Угрозы были бессмысленны и опасны, они лишь разжигали страсти, и “Калиныч” должен был это понимать. Видимо, он намеренно провоцировал взрыв. Митинг на Якорной площади закончился принятием резолюции с теми же, что у петроградцев, политическими требованиями. Калинин вернулся в Петроград, за ним обреченную крепость покинули сотрудники карательных органов - Особого отдела и реввоен трибунала.

Следующий день, 2 марта, ознаменовался несколькими событиями: Петроград был объявлен на осадном положении; Ленин и Троцкий подписали правительственное сообщение о мятеже в Кронштадте; рабочие многих предприятий города закончили “волынку”. А в Кронштадте делегаты от гарнизона, заводов и профсоюзов выслушивали угрозы комиссара флота Н.Н. Кузьмина и председателя кронштадтского Совета П.Д. Васильева. На этом собрании произошло решающее событие - был образован Временный революционный комитет. Об этом рассказывал его председатель С.М.Петриченко: атмосфера на собрании накалилась, и тут “один моряк взбегаёт к президиуму и начинает кричать: “Что вы здесь торгуетесь? Коммунисты ведь не спят, и Кронштадт уже окружен конницей. Нужны меры к самозащите!”... Наскоро президиум уполномочили принять на себя обязанности “Временного ревкома”. Неожиданное для всех нас самих свершилось... Ревком предписал: “Всем товарищам оставаться на местах и честно исполнять свой долг перед Родиной”. На другой день сообщение о контрреволюционном мятеже появилось во всех газетах. Временный ревком ответил на него обращением: “Всем, всем, всем!... Товарищи! Не верьте словам самодержавных комиссаров, уверяющих, будто в Кронштадте действует штаб белых офицеров во главе с генералом Козловским. Это наглая ложь. Кронштадтские товарищи предлагают вам немедленно присоединиться к Кронштадту и установить прочную связь, общими и другими усилиями достичь долгожданной свободы”. Но петроградские рабочие не откликнулись - к дню первого штурма Кронштадта в Петрограде закончились все “волынки”.

Почему они не поддержали кронштадтцев? Вспомним сказанное отставным чиновником Мармеладовым Родиону Раскольникову: “бедность не порок... Но нищета, милостивый государь, нищета - порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто”. Если считать дореволюционное положение рабочих бедностью, то послереволюционное стало запредельной нищетой. О настроении в городе свидетельствовали ежедневные секретные политсводки, составлявшиеся в райкомах. Эти сводки, основанные на донесениях информаторов, большевики ввели в обращение сразу после переворота. Информаторы прислушиваясь к разговорам на улицах, в очередях, на вокзалах, в

заводских цехах и чайных. Старая как мир, испытанная практика. Столь же испытанными средствами были клевета и подкуп. Все это было пущено в оборот. В газетах и на собраниях утверждалось, что власть в Кронштадте захватили белые офицеры, их цель - восстановить монархию, мятежников финансируют зарубежные белогвардейские центры; им на помощь выслана английская эскадра, в крепости действуют шпионы из Красного Креста и т.д. Попытки восставших сообщить правдивые сведения срывались, Кронштадт был блокирован, береговая охрана задерживала всех идущих оттуда. Делегация, отправленная 6 марта для мирных переговоров, была арестована и расстреляна. Та же участь постигла следующие делегации. Агитаторы распространяли в Петрограде ложь: матросы жируют за счет рабочих, они ни в чем не знают отказа. Этому верили многие. Сыграла роль и давняя неприязнь к клешникам. Информаторы доносили: "Отношение к клешникам враждебное", "часть рабочих проявляет заметное беспокойство в судьбе Петрограда... что в связи с мятежом может выступить Финляндия на стороне мятежников, а это создаст новую войну". В сводках приводились суждения рабочих: "Что клешникам не хватает... были одеты, обуты лучше других, а теперь натворили", "матросов надо проучить", "носились с клешниками, вот и доносились!" Сводка 12 марта свидетельствовала об успехе пропаганды: "Волнений никаких выдающихся не замечено, кроме недовольства на недостаток продовольствия, и это погашается их [рабочих] сознанием, что всему виноваты мятежники, по ликвидации которых рабочие снова заживут мирно трудовой жизнью". Г.А. Князев отмечал в дневнике: "Мечтают о свободном городе - вольном Петрограде. Все это пустые мечтания". 4 марта он записал: "Ночью лучи прожекторов скользили по небу.. Так жутко было следить за этими бесшумно бегающими лучами... Теперь скоро булки будут - так думают многие наивные люди". Рабочие после волнений получили невиданно щедрые пайки, в которые входили мясо и рис, а на детей 1-3 лет выдали по сто грамм шоколада и по банке сгущенки! Разгоревшиеся вокруг пайков страсти вытеснили все остальное, политические требования были забыты. Всюду "трения на заводах из-за выдачи неравномерных пайков", - доносили информаторы; "нарушают нормальный ход работы споры о распределении обуви и одежды, которая происходит по всем предприятиям. Это больше интересует рабочих, чем все кронштадтские события"; "говорят, власть все равно, уж скорее бы хлеба прибавили". Последние отзвуки "волынок" были трагифарсом: рабочие 4-й парусиновой фабрики угрожали присоединиться к кронштадтцам, если инструкторам опять дадут муки. Можно ли осуждать рабочих за отступничество и слепоту? Или можно понять их - ведь голод и нищета убивают "благородство врожденных чувств".

Между тем в Петроград прибывали войска, к концу операции армию под началом командарма М.Н. Тухачевского составляли 45 тысяч человек. В кронштадтском гарнизоне было около 27 тысяч матросов и солдат. В Кронштадте был создан штаб обороны, в который вошли офицеры, а комиссаром стал представитель Ревкома Яковенко. И все же там надеялись, что дело не дойдет до кровопролития, и выслали делегацию для мирных переговоров. Но Тухачевский прибыл не говорить о мире. Вечером 7 марта был начат артиллерийский обстрел крепости, а на рассвете 8 марта войска пошли на штурм. Восставшие отбили атаку огнем с боевых кораблей и орудий береговой обороны. "Нас бросала молодость на кронштадтский лед,"- напишет Эдуард Багрицкий. Те, кто бросил солдат на штурм, были преступниками: люди без маскировочных халатов на заснеженном льду оказались просто мишенями. Большая часть из трех тысяч наступавших погибла или была ранена, многие утонули под разбитым снарядами льдом. Цинизм этой бойни был тем отвратительней, что в эти же часы Ленин объявил в Москве на съезде

РКП(б) о намерении правительства отменить продразверстку и о других уступках, которых требовали кронштадтцы. В той же речи он говорил о необходимости уничтожения мятежников. “Кронштадтцы отбили три атаки с большим уроном для наступающих... - записал 11 марта Г.А. Князев. - Наступление ведется так. Впереди высылаются красноармейцы, а за ними курсанты с пулеметами, которые расстреливают всякого, кто не хотел бы идти вперед. Настроение у солдат самое тяжелое. Бросают винтовки, патроны и при первой возможности разбегаются”. Не все петроградские курсанты согласились стать карателями: большинство курсантов Училища командного состава Морских Сил (ныне Высшее военно-морское училище им. М.В.Фрунзе) отказалась выступить против кронштадтцев. “Возникай содружество ворона с бойцом,/ Укрепляйся мужество сталью и свинцом”, - писал Багрицкий. Он прославлял не этих курсантов, но их мужество было высшей пробы. А расплатой стало зловещее “содружество ворона с бойцом”. Их погрузили в эшелон и отправили на юг, якобы на черноморский флот. “Мне не удалось, однако, найти подтверждения прибытия их в Севастополь или Николаев”, - писал историк российского флота С.А.Зонин.

11 марта кронштадтцы отправили в Петроград новую делегацию для переговоров, она разделила участь предыдущей. В войсках по приказу Тухачевского шли расстрелы дезертиров. А в городе царили тревога и растерянность. По данным политсводок, “разговоры тихие, при приближении замолкают”; “на улицах, как и вчера, боязливость и отсутствие политразговоров”; “интеллигенция молчит”; “обыватель боится”. Кое-что все же удалось подслушать, 9 марта в очереди толковали: “Комиссаров поприжмут теперь, лучше станет”. Князев записал в этот день: “Когда шел... домой - палили из тяжелых орудий. Кто - Кронштадтцы или Питерцы? Передают, что много убитых и раненых. У всех выжидательное настроение”. В толпе рабочих информатору “разговоров уловить не удалось, т.к. идут все быстро, но были слышны возгласы:”так их и надо, и побьют их”, но к кому относились эти слова, выяснить не пришлось”. В городе говорили, что из Петергофа видны пожары в стороне Кронштадта. 14 марта прошел слух: “Ораниенбаум взят мятежниками, курсанты отказываются идти в наступление и не подчиняются комсоставу, все коммунисты перебиты во время последнего наступления». Шептались, что “подъем курсантов поддерживается тройным пайком и дачей спирта, две дивизии отказались идти в бой, после 9 час. возят расстрелянных”, “что нет у нас снарядов и сил, половина курсантов перетонула подо льдом”. Кронштадтцам сочувствовали немногие, большинство горожан боялось потрясений. Тем более, что 15 марта съезд РКП(б) утвердил постановления об отмене продразверстки и свободе торговли! Затем его делегаты отправились в Петроград “давить мятежников”. В Кронштадте понимали абсурд положения: после решений съезда борьба теряла смысл. Офицеры штаба обороны предлагали начать наступление на Петроград, где можно было рассчитывать на поддержку в гарнизоне. “На такую братоубийственную бойню гарнизон [Кронштадта] не мог пойти. Вместо серьезного вооруженного сопротивления было решено уйти на финскую территорию, о чем ревком и договорился с правительством Финляндии”, - вспоминал один из кронштадтцев. Но кремлевские вожди требовали бойни, уничтожения восставших. Тухачевский отдал приказ:”В ночь с 16-го на 17-е марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт”. В ту же ночь первые группы повстанцев ушли в Финляндию. На этот раз командарм основательно готовился к штурму, он приказал обстреливать крепость химическими снарядами. Газовую атаку отменили лишь из-за неблагоприятной погоды. Через несколько месяцев Тухачевский применит химические снаряды для подавления восстания тамбовских крестьян. В ночь на 17 марта войска пошли в наступление.

Стремительного штурма не получилось: передовые отряды прорвались в крепость лишь к 5 часам вечера. Бой продолжился на улицах. Тухачевский приказал "при действиях в городе широко применять артиллерию в уличном бою... Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления... пленными не увлекаться". Несмотря на численный перевес, в тот день не удалось сломить сопротивление кронштадтцев. Ночью бой утих, и из крепости потянулась молчаливая вереница людей: больше 8 тысяч человек уходили в Финляндию. Эта черная цепь на заснеженном льду всю ночь связывала обреченный Кронштадт с чужим берегом. После их ухода в городе продолжали обороняться отряды прикрытия и те, кто решил остаться. Только около полудня 18 марта они объявили, что сдаются и складывают оружие.

В Петрограде сообщили о подавлении мятежа. "Сегодня на фабриках и заводах было объявлено об успехах красных войск в Кронштадте. Это известие произвело двоякое впечатление. Часть рабочих вместе с коллективистами [коммунистами] шумно изъявляли радость по этому поводу... Другая же часть очень недоверчиво отнеслась к известиям, выражала сомнение, говорила, что эти новости дутые," - доносили информаторы. Г.А. Князев записал 17 марта: "Всю ночь была слышна стрельба, даже стекла тряслись... Сегодня выстрелы особенно слышны... Вечер. Выстрелов почти не слышно. Слухи о падении Кронштадта распространились по городу. Взволнованы все необычайно... Ужас безудержный овладел многими". По официальным данным, войска потеряли при штурме 572 человека убитыми и 3285 ранеными, осажденные - 1 тысячу убитыми, больше 2 тысяч ранеными. В плен было взято 2,5 тысячи человек. Сведения о числе пленных сразу вызвали сомнения. В различных работах приводятся разные данные. С.А. Зонин писал: "Не только участие в боях, но и само пребывание в Кронштадте и на его фортах в дни восстания квалифицировалось как преступление. Учитывая потери в боях, примерно 13-18 тысяч защитников Кронштадта были пленены". Начались суды и расстрелы. Расстреливали в Кронштадте и в окрестностях Петрограда, в лесу под Павловском, возле Царского Села, в Ораниенбауме. Те, кого отправили в концлагеря, тоже недолго оставались в живых. В концлагере Холмогор доставленных кронштадтцев сразу построили в шеренгу и расстреляли каждого второго. В 1923 году власть объявила "мятежникам" амнистию, и многие из бежавших в Финляндию вернулись на родину. Они недолго оставались на свободе. Председатель Временного ревкома С.М. Петриченко в 1945 году был выдан финнами советским властям. Он много лет сотрудничал с советской разведкой, но это его не спасло. В 1947 году Петриченко погиб в концлагере.

В марте 1921 года ни в Петрограде, ни в Кронштадте не хотели "братоубийственной бойни". Кровавая точка в конце военного коммунизма была поставлена благодаря общей пассивности. Поэт Николай Оцуп писал: "Помню жестокие дни после кронштадтского восстания. На грузовиках вооруженные курсанты везут сотни обезоруженных кронштадтских матросов. С одного грузовика кричат: "Братцы, помогите, расстреливать везут!". Но нету братцев, какие братцы на бойне? Мы говорили, что в феврале - марте 1921 года время словно повернуло вспять. Так казалось многим. "Глухо долетают издали пушечные выстрелы (ночь наступления на Кронштадт), - вспоминал Оцуп. - Гумилев сидит на ковре, озаренный пламенем печки, я против него тоже на ковре... Мы стараемся не говорить о происходящем - *было что-то трагически обреченное в кронштадтском движении, как в сопротивлении юнкеров в октябре 1917 года*" [курсив Е.И.]. Тогда матросы убивали курсантов военных училищ, теперь их расстреливали красные курсанты. День подавления восстания совпал с государственным праздником - днем

Парижской коммуны. Кое-где по инициативе коммунистов рабочие устроили шествия в честь победы над мятежниками. Но политсводки свидетельствовали, что ликования в городе не было: “Ликвидация мятежа в массе населения не произвела того впечатления, какого следовало ожидать. В большинстве случаев это недоверчивость к свершившемуся факту, чаще всего слышатся возгласы, что не могли пехотные части взять морскую неприступную крепость. Ходят упорные слухи, что в лагере белых существует хорошо подготовленный заговор, о котором нам ничего не известно, но который с наступлением весны будет приведен в исполнение. Тогда уж нам так легко не отделаться”. В слухах нередко есть доля истины, только беды стоило ждать не от белых, а от укреплявшейся власти. Судьба кронштадтцев - ее гвардии, передового отряда, красоты и гордости - была красноречивым свидетельством. Леонид Пантелеев записал рассказ матроса: ”После Кронштадтского мятежа, в 21 или 22 году - гуляли мы с товарищем по Конногвардейскому бульвару. Идет мимо курсант, на нас не смотрит... поет:

Эх вы, клешники,
Да что наделали
Были красные
Да стали белые!”